

ИМЯ В КУЛЬТУРЕ

К 100-ЛЕТИЮ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ЕГОРОВА (1926 – 2020)

На фото Б. Ф. Егоров (фото из источника: Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: https://lavkapisateley.spb.ru/image/cache/catalog/blog/bio_dictionary/egorovbf-650x650.jpg)

Г. П. Козубовская¹

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

АВТОГРАФЫ Б. Ф. ЕГОРОВА НА АЛТАЕ

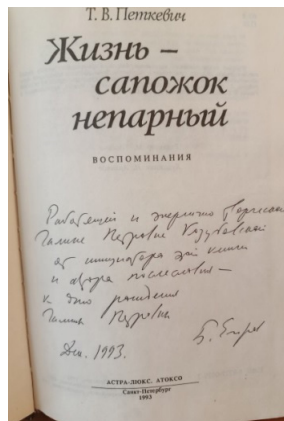
Традиционно информация в разных источниках о Б. Ф. Егорове² состоит из формул – филолог, литературовед, культуролог, крупнейший специалист по истории русской литературы и общественной мысли XIX в., ученый с мировым именем, потом следуют сухие факты биографии. С жадностью читаю сейчас юбилейные материалы и некрологи, воссоздающие личность Б. Ф. [Андреева, 2020; Анненкова, 2022; Елина, 2021; Козлик, 2022; Кривонос, 2023, Острова Борфед, 2016 и др.].

¹ Галина Петровна Козубовская – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы АлтГПУ (Барнаул, Россия).

² Далее: Б. Ф. Не могу называть его Борфед, как именовали тартуские коллеги, это имя – знак близкого круга друзей.

Как хорошо, что придумали ставить дату в автографах: по этим вехам можно хоть как-то восстановить уже ставшие далекими события, не удержанные памятью.

Автограф 1. «Жизнь – сапожок непарный...»

1. Обложка книги
Т. Петкевич.

2. Фото Т. Петкевич

3. Автограф Б.Ф. на книге

«Работающей и энергично творческой Галине Петровне Козубовской от инициатора этой книги и автора послесловия – к дню рождения Галины Петровны

Б. Ф. Егоров Декабрь 1993»

«Жизнь – сапожок непарный» – так, неточной цитатой из М. Цветаевой назвала свои мемуары Тамара Владиславовна Петкевич, милая женщина, прошедшая через круги лагерного ада и описавшая эти ужасы в своих воспоминаниях. Послесловие к ее книге написано Б. Ф. Егоровым, всегда откликавшимся на любые просьбы, и особенно людей, переживших беды, несчастья, катастрофы.

А этому автографу предшествовала долгая история общения с удивительным человеком Б. Ф.

Будучи самарской аспиранткой (Самара – тогда «Куйбышев на Волге», чтоб не путать с другим Куйбышевым в Новосибирской обл.), я периодически наведывалась в столицы поработать в центральных библиотеках и в архивах. Для защиты нужны были публикации, а с публикациями в те годы было достаточно проблематично. В Самарском педвузе, правда, издавался сборник «Вопросы поэзии и драматургии» (раз в два года), главным редактором которого был мой научный руководитель д.ф.н., профессор В. А. Бочкарев – фигура

номер один в Поволжье (он возглавлял зональное общество литературоведов региона)³.

Впервые я обратилась к Б. Ф. как раз по поводу публикации в издаваемом тогда аспирантском сборнике ЛГПИ им. А. И. Герцена. Преодолевая страх (для меня Б. Ф. – небожитель), я подошла к нему с письмом от шефа, что-то путано и не очень внятно объяснила, кто я и зачем его беспокою. Оказалось, что сборника уже нет, а сам он в это время уходил с заведования и помочь ничем не мог⁴. Но, прочитав письмо, Б. Ф. как-то потеплел, попросил передать привет шефу, которого знал и ценил (сам Б. Ф. был родом из Поволжья⁵ – из Балашова).

А познакомила меня с Б. Ф. Лариса Евгеньевна Ляпина, мой рецензент по кандидатской диссертации на кафедре русской литературы (далее: Л. Е.), и это случилось в один из следующих моих приездов в Питер. Времена были не очень благоприятные (очередные «гонения» на науку, закрытие диссертационных советов, научных журналов и т.д.). В гуманитарной науке ценились работы, выполненные в русле «старой» традиционной школы. Всякого рода «структуралистские» идеи не вызывали одобрения, зачастую подвергаясь критике.

Считаю, что мой выбор Питера для защиты диссертации, по сравнению с более «консервативной» Москвой, был правильным, хотя шеф настаивал на Москве, с которой у него были более тесные связи. На удивление мой «Баратынский» был принят хорошо, хотя этим поэтом пушкинской поры тогда мало кто занимался⁶. Думаю, мне повезло, что кафедрой стал заведовать Н. Н. Скотов (также, как и Б. Ф., – блестящий специалист по поэзии), и с рецензентами, оказавшимися очень заинтересованными людьми, а потом и с оппонентами. Как кафедральный рецензент Л. Е. подготовила более чем положительный отзыв на мою

³ Человек старой закалки, чрезвычайно ответственный, он регулярно (1 раз в 2 года) проводил региональные научные конференции, собиравшие громадное количество участников. Он и на своей кафедре установил порядок – ежегодные отчеты преподавателей по науке в форме конференции. Попадало тем, кто не мог выступить. Человек, погруженный в науку, он как преподаватель тоже был интересен. Студенты, с которыми я общалась в годы аспирантуры, рассказали мне, как после лекции о Герцене они долго аплодировали ему.

⁴ Как указывают достоверные источники, за годы пребывания Б. Ф. в должности зав. кафедрой русской литературы было защищено 47 диссертаций.

⁵ Кстати, именно в этом городе в год моего окончания аспирантуры состоялась научная конференция – очередная, поволжская. Наверное, ждали Б. Ф., но он не приехал. Но я имею представление о месте рождения Б. Ф.

⁶ Как иронично заметил учитель Мельников в фильме «Доживем до понедельника», Баратынский в это время уже был «переведен в первостепенные».

диссертацию, за что я ей по сей день очень благодарна. И хотя я была «чужая»⁷ для всех, никому не известная «провинциалка», но чужой себя не чувствовала: отношение было очень доброжелательное, теплое⁸. Л. Е. (выпускница ЛГУ и ученица В. Холшевникова⁹) поддерживала отношения с Б. Ф., представила меня ему, а Б. Ф. к моей диссертации (и к Баратынскому) проявил интерес, что дало мне право впоследствии обращаться к нему за консультациями и просто за помощью.

Во время короткой стажировки в Питере (1982) я «примкнула» к спецсеминару ФПК, который проводил Б. Ф. На занятиях он не только делился с нами своими идеями, информировал о книжных новинках, но и проводил экскурсии по Петербургу Достоевского¹⁰. Задуманно-полезным получилось обсуждение моей статьи о цикле А. Фета «К Офелии» (я тогда только начинала заниматься Фетом). Умница П. В. Михед подготовил отзыв – профессиональный, тонкий, глубокий, хотя я, жуткая трусиха, как обычно, очень волновалась. Б. Ф., внимательно и с большим интересом слушая рецензента (а он умел улавливать неординарное, нестандартное, сделанное на хорошем уровне), сразу оживился, а, выяснив «научную родословную» рецензента (кто его учитель), еще больше потеплел: завязался разговор, потянулась нить воспоминаний. Вообще оценки Б. Ф. были достаточно строгими, думаю, что он никогда никого не захваливал, тактично указывая на недостатки¹¹. И еще: я с удивлением увидела единомыслие в подходе к литературе людей из разных регионов: рецензент отметил, что в моей работе просматривается личность исследователя. А ведь в нашем «захолустье» Г. М. Шленская¹², читая курс советской литературы, на одной из лекций (речь

⁷ В отличие от небольшой самарской аспирантуры, в Герценовском вузе, где готовились научные кадры для провинции и где обучались аспиранты со всех концов нашей необъятной страны, существовал аспирантский семинар, о котором ходили разные слухи. Говорили, что там аспиранты буквально громили работы друг друга, дрались за свои идеи, отстаивая их, и это была репетиция перед кафедральным обсуждением.

⁸ Да еще Н. Н. Скатов похвалил мою диссертацию на ФПК, где читал лекции, о чем мне сообщил коллега из Бийска, оказавшийся в числе слушателей.

⁹ Очень знающая и порядочный человек. Она, как мне кажется, из тех питерских интеллигентов, которые не станут «гнуть ни совести, ни шеи» перед «вышестоящими», а будут просто хорошо делать свое дело.

¹⁰ Кто-то из слушателей просветил: он ученик Ю. Оксмана. См. об Ю. Оксмане: Юлиан Оксман // № 2013 / 17, 26.04.2013, URL: <https://litrossia.ru/item/6424-oldarchive/>.

¹¹ Я не все замечания приняла: люблю покопаться в тексте, а Б. Ф. предлагал заняться теоретическими проблемами цикла (цикловедение тогда только начинало складываться), впоследствии я благополучно ушла от этой проблематики.

¹² См.: Козубовская Г. П. Научная школы «Поэтика русской литературы» // Вестник АлтГПУ. 2018. № 2 (35). С. 98–106.

шла о статье В. В. Петелина, идущего вразрез с традиционными трактовками романа М. Шолохова «Тихий Дон») обратила внимание как раз на то, что, несмотря на научный стиль, в исследовании проявляется личность ученого, о чем мы, к сожалению, редко говорим. И Б. Ф. всегда говорил о «человечности» в позиции ученого. Поинтересовавшись, где я предполагаю опубликовать статью, хотел предложить мне помощь (и в этом тоже сказалась его оценка), но я уже пообещала отдать статью в самарский сборник. Сейчас сознаю, какой это был с моей стороны бестактно-бездумный жест.

У Б. Ф. всегда можно было получить поддержку: так, например, он принял мой подход к поэзии Фета, которого я рассмотрела Фета через призму античной мифологии и архетипы, чего никто не делал (а кто-то считал, что я «испортила» Фета). У Б. Ф., несомненно, был дар изысканий: так, например, я наткнулась на его статью, где он, рассматривая переписку Фета с В. П. Боткиным, раскрыл мотивы женитьбы А. Фета на сестре Боткина, Марье Петровне¹³. Он умел задать перспективы направления¹⁴. И еще один дар – дар именования. Выслушав меня, Б. Ф. заметил, что поэтический метод Фета очень напоминает метод И. Анненского, и предложил обозначить его как «ассоциативный символизм» (определение Вяч. Иванова).

С Б. Ф. можно было поделиться информацией, зная, что она найдет необходимый отклик. Так, встретив однажды его в Публичной библиотеке, я начала восхищенно-путано рассказывать о докладе, услышанном на конференции, посвященной И. Анненскому. Доклад делал немолодой человек: на найденной им обложке к роману А. Толстого «Хождение по мукам» (издание 30-х гг.) – сдвоенный портрет А. Ахматовой и О. Глебовой-Судейкиной (худ. В. Белкин). Потом я узнала, что это москвич Ю. Молок¹⁵. Реакция Б. Ф. была более, чем

¹³ Потом эти материалы вошли в книгу: Егоров, Б. Ф. Боткины. СПб.: Наука, 2004. 320 с.

¹⁴ См., например: Егоров Б. Ф. Труд и отдых в русском быту и литературе XIX в. // Культурное наследие древней Руси: истоки, становление, традиции: сборник статей. Москва : Наука, 1976. С. 322–326. Впоследствии вошло в [Из истории русской культуры, 1996, с. 518–530].

¹⁵ Потом я нашла опубликованный текст этого доклада: Молок Ю. Камея на обложке (К истории одной мистификации). Дополненный текст доклада, прочитанного автором 12 ноября 1992 года на конференции «Литературно-артистическое кабаре. Образы, персонажи, жанры». (Санкт-Петербург, Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме) // Опыты. 1994. № 1. С. 114–117. URL: [https://textlit.de/index.php/2021/02/08/21515/\(05.08.2026\)](https://textlit.de/index.php/2021/02/08/21515/(05.08.2026)).

эмоциональной: он буквально вскочил со стула, сожалея о том, что пропустил столь блестящий материал.

Возвращаясь к автографу, который появился в годы моей докторантуры в Пушкинском доме.

Книга Т. Петкевич читается на одном дыхании и поражает бесконечностью страданий, выпавших на долю молодой девушки («Сколько же было у юной Тамары причин для нравственного надрыва, слома, падения!» – пишет Б. Ф. [Петкевич, 1993, с. 500]). Начиная свое послесловие Пушкиным («Гармоничный и светлый Пушкин понимал, что мир сложен и страшен. “Пир во время чумы”. “Не дай мне бог сойти с ума”. Пугачевщина. Жутковатый сон Татьяны, которую окружила всякая нечисть. Но мог ли гениальный поэт предположить, что Татьяна не во сне, а наяву будет много лет находиться в адском логове» [там же], он завершает его гимном светлым альтруистам, причисляя Тамару «опытом нечеловеческих страданий к великому сословию интеллигенции» [там же]. Позже я попала на презентацию этой книги (кажется, в музее Ахматовой в Фонтанном доме), увидев автора – милая, очень симпатичная женщина держалась по-питерски скромно, но с достоинством, отвечая на вопросы присутствующих. А молодые девочки-артистки читали фрагменты ее книги и под гитару исполняли положенные на музыку цветаевские стихи:

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щепнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!
5 ноября 1921

Готовность помогать людям, особенно, если они пострадали от несправедливости, была ему присуща. Говорят, что Б. Ф. приглашали оппонировать диссертации, возможно, не дотягивающие до нормы. И он спасал: но это было не снисходительным покровительством сильного, а скорее дружеским жестом – протянутая рука помощи.

Возможно, Б. Ф. догадывался о моих вузовских проблемах (я никого не посвящала в них). Но параллель для меня очевидна: надо держаться, несмотря ни на что.

Замечу еще, что оценки, которые Б. Ф. иногда давал коллегам, отличались беспристрастностью, объективностью и честностью. Так, по поводу отзыва одного из оппонентов на мою докторскую диссертацию (московской дамы), он бросил реплику, уловив подтекст отзыва: «Всегда считал ее средним ученым».

Автограф 2. Утраченный...

«Шиповник так благоухал, что даже превратился в слово...»¹⁶

У меня была визитка с адресом и телефоном Б. Ф. Он жил на Загородном проспекте.

4. На фото: дом № 42 по Загородному проспекту, где проживал Б. Ф. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/e/e1/4327._St._Petersburg._Zagorodny_Prospect%2C_42.jpg/1280px-4327._St._Petersburg._Zagorodny_Prospect%2C_42.jpg

А в Загородный проспект упиралась одна из маленьких тихих улиц, тянувшихся от Фонтанки до проспекта, – Бородинская. На этой улице в 60-е гг. жили наши родственники (первый дом от Фонтанки). По семейному преданию,

¹⁶ А. А. Ахматова из цикла «Шиповник цветет».

отец нашей «тети Тони» (Антонины Алексеевны, родственницы по линии моего папы), хозяин двух «доходных домов» (напротив этого – как его зеркальное отражение – стоял точно такой же) после революции 1917 г. добровольно сдал оба дома властям. Жили наши родные в одной из квартир дома, в коммуналке, вернувшись из Грузии, куда были эвакуированы во время войны¹⁷.

И еще одна достопримечательность этой улицы. Во дворе дома – одноэтажный, называвшийся «домик Дунаевского». Там в 1935 году композитор жил с семьей, создавая музыку к кинофильму «Веселые ребята». Современные источники сообщают, что дом был деревянный и потому якобы не сохранился. Да, дом таинственно исчез, оставшись только в моей полудетской памяти.

А в дом Б. Ф. я попала в 1993 году. Мне срочно понадобилась рецензия на статью для фетовского сборника (Курск). Решилась попросить рецензию у Б. Ф., помня о его внимании к «провинциалам», погруженным в науку. Б. Ф. охотно откликнулся. И вот с текстом статьи, кое-как отпечатанной на пишущей машинке (кстати, взятой напрокат в «сервисном центре» рядом с общежитием Академии наук на М. Тореца), явилась к нему.

Большая питерская квартира. Высокие потолки, широкие пространства, коридоры со шкапами, «домашние» у телевизора, не вмешивающиеся в его дела (на меня не обратили никакого внимания), и кабинет, конечно, с полками книг до потолка.

Б. Ф. быстро прочитал текст, схватив самую суть, сразу набросал начисто рецензию, отпечатав ее тут же на пишущей машинке. У него была своя печать (о, спасение для меня: не надо бежать и где-то заверять его подпись!). Все без лишних слов и по делу. Рецензию увезла и сдала в Курске, в спешке не сообразив, что надо бы сделать копию. Сейчас был бы еще один автограф...

Отзыв для меня, конечно, бесценный. Боялась разгрома (статья про Фета и Ахматову), но нет, не случилось. Понимание полное, формулировки точные, как всегда, с соблюдением меры. Пожаловалась, что надо бы уже переключиться

¹⁷ Помню, когда я, оказавшись в гостях у наших родственников, была поражена и самим домом, и огромными лестничными площадками, и лифтом, плавно плывущим по этажам, и черным ходом из кухни во двор, и вежливыми петербуржцами (это было поколение, пережившее войну). На улицах можно было встретить дам элегантного возраста, в шляпках; у них можно было уточнить маршрут и попутно получить информацию, которой не было в справочниках для туристов.

и писать другой кусок, а я все не могу отойти от Ахматовой. И услышала такое признание: «Зашаманивает...».

Я тогда не знала, что Б. Ф. был лично знаком с А. Ахматовой; прочитала совсем недавно в его воспоминаниях о встрече с ней в доме Д. Максимова¹⁸, его учителя. А ведь можно было порасспросить...

Вот так совпало: цветение шиповника в питерских парках и скверах, моя Ахматова и бесценный дар – отзыв Б. Ф. В Курске, где тогда собрался очень узкий круг фетоведов, доклад приняли хорошо, хотя и очень спешили в Воробьевку.

5. Портрет А. А. Ахматовой.
Ахматова и белая ночь.

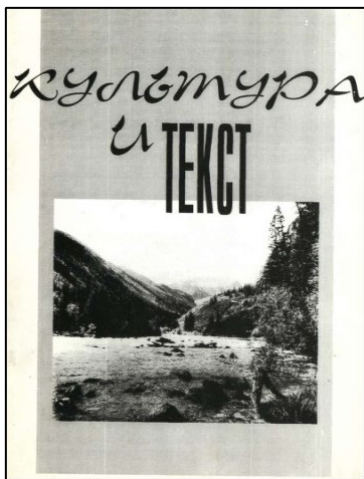
6. Обложка издания фетовского
сборника (Курск, 1994).

7. Шиповник во дворе Фонтанного Дома.

¹⁸ См.: [Егоров, 2010].

Автографы 3 и 4. «Катунские пороги»

8. Программа конференции «Культура и текст» (1996)

На Алтае Б. Ф. был всего один раз по нашему приглашению на международную конференцию «Культура и текст» (1996)¹⁹. В моем списке гостей Б. Ф. был фигурой номер 1.

Для тех лет наша конференция – событие чрезвычайной важности. Кажется, сбежался весь город (и физики, и лирики, и психологи, и историки). Мест в зале заседаний совета не было, стояли и сидели в проходах, прямо на ступеньках.

Б. Ф. – единственный из гостей, кто приехал поездом (остальные летели самолетом). А ему захотелось посмотреть Россию не с высоты птичьего полета (кажется, это было одно из первых его путешествий за Урал): наверное, в этом и был смысл его Одиссеи. Как сейчас помню: высокий, большой, крепкого телосложения, в плаще (было начало осени, прохладно и дождливо), с небольшим рюкзачком за плечами. Предполагалось, что всех именитых гостей поселим в санатории на горе (двухместные номера, с красивыми нарядными обоями, ресторан) и на конференцию будем возить на автобусе. Но Б. Ф. определился на проживание отдельно от прочих: в скромном вузовском профилактории (правда, в центре) и, как любитель самостоятельного постижения чужого пространства, бродил по городу самостоятельно, чем напомнил мне

¹⁹ «Лихие девяностые». Благодарна ныне уже покойному С. А. Гончарову за организацию этой уникальной конференции.

М. Волошина, «странника», который ходил пешком, соприкасаясь с землей, впечатывая в нее свой след.

Я приглашала его в гости, кормила пельменями, которые по случаю, налепили с мамой. Очень ему нравилась яблочная шарлотка, и наши кафедральные дамы²⁰ всю постарались: напекли и даже доставили по месту проживания. Мне кажется, что он вообще не был избалован ни в еде, ни в условиях проживания. Не отказался, правда, от общей автобусной экскурсии по городу, проводил которую лучший экскурсовод вуза – историк-краевед Вадим Бородаев.

Среди именитых гостей (Е. Фарино из Польши, И. П. Смирнов с супругой Р. Деринг-Смирновой из Германии, присоединившийся к конференции в самом конце Райнер Грюбель и др.) он выделялся какой-то петербургской интеллигентностью²¹: вел себя скромно, но с достоинством, не выпячиваясь, оставаясь в общем ряду, но при этом не теряясь в общей массе.

На базу «Катунские пороги»²² (изюминка конференции – поездка в Горный Алтай) выехали довольно поздно (а по пути еще заезжали в Бийск и Горно-Алтайск). Ехали по мокрой дороге осторожно. Чувствуя, что народ устал, Б. Ф., чтоб встряхнуть всех от наваливающегося сна, научил песенке про желтый чемоданчик, сохраняя тем самым атмосферу дружного коллективного путешествия. По всему видно, что Б. Ф. – действительно, человек, по-пушкински принимающий все, что его окружает: спокойно переносил тяготы путешествия в не очень удобном автобусе, с удовольствием ел раков, купленных по дороге, парился в бане, с интересом общался с шаманом, которого прихватили с собой в Горно-Алтайске, восхищенно внимая экзотике – горловому пению. А утро в Горном было превосходно: проснувшаяся природа, отвечающая восходящему солнцу, чистое небо, величественные горы, успокаивающий шум немолчной Катунь, катившей свои воды в Обь, воздух, пьянящий какими-то смешанными запахами сладости и горечи, и т.д. Всего полдня в Горном (у гостей уже были куплены билеты на обратную дорогу), но все остались довольны этой короткой передышкой в горах Алтая.

²⁰ Многие пересекались с ним: у кого-то был оппонентом на защите кандидатской диссертации, кто-то помнит его по ФПК или по аспирантским делам...

²¹ Как потом, уже при встрече, Б. Ф. сообщил: уговаривал Д. С. Лихачева поехать на конференцию, но тот сослался на нездоровье.

²² Порогов на Катунь очень много, но в этом месте, недалеко от Манжерока, они какие-то особенные.

9. Катунские пороги (фото в открытом доступе:
<https://www.lifeisphoto.ru/photo.aspx?id=132280>)

Туризм тогда еще не был так развит, как сейчас, и проблема питания в дороге стояла достаточно остро. Нашелся выход: догадались позвонить в Сrostки (в музей Шукшина) и попросить, чтоб к нашему приезду просто сварили картошку. Ожидалась какая-то страшная проверка из Барнаула, поэтому обед в самом музее устроить не получилось. С каким удовольствием наши именитые гости прямо в автобусе с импровизированных тарелок (обычных салфеток) ели горячую деревенскую картошку с укропчиком и малосольными огурчиками.

А улетали от нас все вместе через Москву (и Б. Ф. с ними). Проводили, казалось, простились ненадолго, но...

К сожалению, больше у нас не было подобных конференций: безденежье, невыигранные гранты... И все как-то само собой «завяло». Сборник, правда, продолжали издавать.

И вот буквально через месяц открытка от Б. Ф.

10. Открытка с решеткой Летнего сада

11. Автограф.

«Дорогая Галина Петровна!

Я сделал для Вашей кафедры (передайте Сергею) копии двух видеокассет лекций Ю. Лотмана, но буду ждать okazji – боюсь доверять почте.

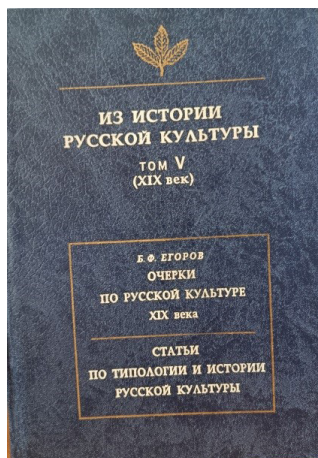
Был в Польше (Варшава, Лодзь), расписывал полякам (Е. Фарино подтвердил), как нас принимали на Алтае. Спасибо большое еще раз! А 20-го еду в Саратов – тоже за казенный счет. Всем кафедрам мои спасибо и приветы!

Ваш Б. Ф. 17.X. 1996»

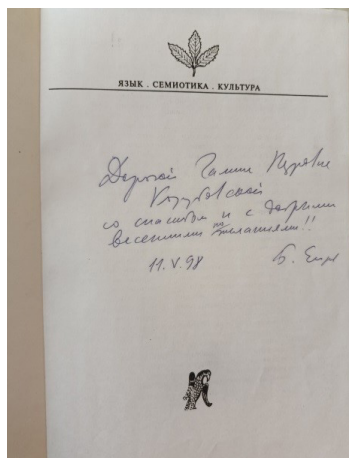
Вот такая забота о нашей провинции – при всей его занятости сделать для нас копии видеолекций Ю. М. Лотмана!

И потом еще и еще бесконечная благодарность за приглашение и прием.

И еще один автограф и тоже в знак благодарности – книга из серии «Язык. Семиотика. Культура»: «Из истории русской культуры. Т. V (XIX в.)».

12. Обложка книги.

13. Автограф.

«Дорогой Галине Петровне Козубовской со спасибо и с добрыми весенними пожеланиями

11.V. 98 Б. Ф. Егоров».

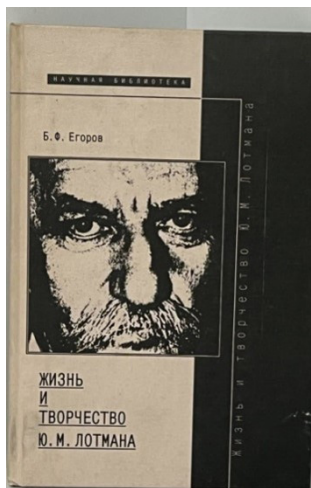
Очень ценная книга, редкое для провинции издание (есть только в АКУНБ). 389 страниц этой книги написаны им, а остальное – лотмановские работы, разбросанные по сборникам и тогда только начинавшие переиздаваться.

Концептуальные работы Б. Ф. по истории культуры строились на такой идее: история России как дорога к интеллигентности. Формулируя свое понимание интеллигентности, он выделял два ее признака: преобладание духовных интересов над материальными и уважительное отношение к «другому», к «чужому», которое перерастает в служение людям... [Егоров, 1996, с. 20]. При этом пояснял, иллюстрируя второе: «... в предельном варианте это означает, подобно

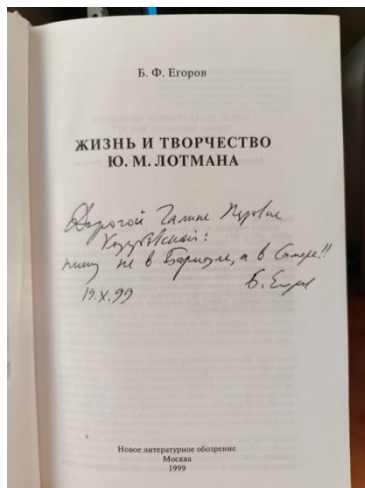
благочестивому отношению А. Швейцера ко всему живому, преклонение перед человеческой личностью, наиболее ярко, может быть, выраженное А. А. Потемной в неопубликованных записках $\leq \dots \geq$: “Слово, не досказанное одним, остается вечно недосказанным. Утраты в людях, не свершивших полного курса своей жизни для общества, невозвратимы. Всякое существо имеет цену само по себе и другим незаменимо. Это основание сознательного уважения к индивидуальной жизни. Отцы не заменимы детьми”» [там же].

В этих исторических очерках и широта взгляда автора, поднимающего огромные пласты культуры, и его эрудиция, и научная добросовестность (поражает количество проработанных документов). Достоверность, точность, объективность – на этом держится концепция ученого. Логика и четкость в обозначении историко-культурных тенденций сочетается с оживляющими рассказ эпизодами, этюдами, в основе которых неизвестные материалы, найденными либо в архивах, либо в каких-то книгах, до которых обычный читатель сам не доходит. И всегда понимание того, что нельзя уложить живого человека, как и «живую жизнь» в прокрустово ложе теории²³.

Автограф 5. «Несостоявшаяся встреча еще рыдает за углом...»²⁴

14. Обложка книги.

15. Автограф.

²³ Потом это проявится в опубликованной в настоящее время его переписке с Лотманом по поводу его биографии Пушкина. См.: Егоров Б. Ф. Мой спор с Ю. М. Лотманом о Пушкине и участие Г. М. Фридлендера // Литературоведческий журнал. 2016. С. 215–236.

²⁴ А. Ахматова. Из цикла «Шиповник цветет».

«Дорогой Галине Петровне Козубовской: пишу не в Барнауле, а в Самаре!!

19.X.99 Б. Егоров»

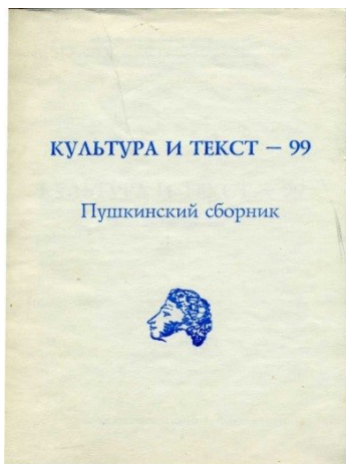
Надпись на книге «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана».

Почему в Самаре? Не помню и не нашла сейчас информации. Наверное, оппонировал какую-то диссертацию (в Самаре в это время открыли диссертационный совет). Книгу мне передали, скорее всего, мои аспиранты (в декабре 1999 г. состоялись первые две защиты, я за них «болела» дома, в диссовет меня включили немного позже). Конечно, такая книга (а Б. Ф. начал тогда активно издаваться, как бы наверстывая годы «простоя», отданные административной работе) – для меня бесценный подарок. А в полуироничном автографе, как бы сплетающим три города – Питер, Самару и Барнаул, – подтекст: и намек на его приезд на Алтай в недавнем 1996 года, и на Самару, куда я никогда не рвалась (в свое время отказалась от предложения проходить по конкурсу и, следовательно, переезжать в Самару, в отличие от «коллег», моих однокашников по аспирантуре, с радостью принявших это предложение от И. В. Попова²⁵). Наверное, сочтут неумным мой отказной жест, но я – провинциалка по психотипу и жизнетексту, для меня Самара за годы аспирантуры не стала «своей», хотя интересных людей из этого города вспоминаю с благодарностью. Обида на меня за мой отказ долгие годы потом не была изжита и проскальзывала в отношениях с И. В. Поповым. Ирония Б. Ф. заключалась и в нестыковке: в Самаре мы оказывались в разное время, существуя в параллельных мирах. Но Б. Ф., получается, стал соединительным звеном между полюсами – Барнаулом и Самарой. Кстати, самарские коллеги были искренне удивлены, что Б. Ф. побывал на Алтае.

В книге Б. Ф. – летописец истории литературоведения и Ю. М. Лотмана. И опять Б. Ф. – блестящий теоретик, который не может обойтись без «живого материала». Ссылаясь на письмо Ю.М. по поводу мамуаров («... Ведь мемуары – это мemento, а человечество страдает беспамятностью. ≤...≥ культура – это коллективная память человечества. Всякое забвение преступно – это уступка смерти. Человек умирает не когда умирает, а когда его забывают» [Егоров, 1999, с. 8]), он осуществляет миссию в этой книге, где житейская биография Ю.М. соединена с анализом его научного наследия [там же].

²⁵ И. В. Попов работал в Барнауле в 50-е гг., потом уехал в Самару. Защитив докторскую, сменил на посту зав. кафедрой В. А. Бочкарева, сразу приступив к формированию кафедры. Он хотел «вытащить» меня из «захолустья».

А мой ответ на этот подарок был более, чем скромный. Передала ему изданный у нас пушкинский сборник («Культура и текст», 1999). Б. Ф. очень заинтересованно относился к провинциальной науке, не без удовольствия читал статьи, опубликованные в этих, нестоличных изданиях. Даже говорил мне, что собирает эти сборники в своей личной библиотеке (и ему охотно дарили их нестоличные авторы).

16. Обложка пушкинского сборника.

Наш сборник получился насыщенным: откликнулись и наши аспиранты (а тогда их было много), и молодые, уже защитившиеся преподаватели, и бийчане, и горноалтайцы, а также аспиранты близких регионов, с которыми приходилось иметь дела и по конференциям молодых ученых, тогда еще нами проводимых, и по издаваемому на основе материалов этих конференций сборнику молодых ученых «Диалог культур». Б. Ф. потом так оценил этот жест: «Поистине царский подарок». Там, действительно, были свежие идеи в кружении вокруг Пушкина, параллели, неожиданные ассоциации, – а он все это очень ценил. А, возможно, это было напоминанием об Алтае.

У нас Б. Ф. при всей его жуткой занятости (думаю, что его просто рвали на части, приглашая повсюду) все-таки напечатался: в самом первом номере КиТ за 1997 г. – по итогам конференции 1996 г.²⁶ А потом после долгого перерыва (переписка прекратилась, и причины этого разные: и моя жуткая занятость, и разъезды Б. Ф., которого невозможно было заставить дома), в 2016 г. (мне удалось как-то

²⁶ Егоров Б. Ф. Альбом как модель эстетических вкусов владельца // Культура и текст. 1997. № 1. С. 45–49.

его поймать). Это была статья «Пушкин и Чичибабин как эротические поэты» [Егоров, 2016, с. 101–108], где речь идет о рождении одухотворенной телесности, пронизанной глубокой душевностью. Как оказалось, это был фрагмент книги²⁷.

И опять Пушкин и Б. Ф., живущий по-пушкински, – открытый «всем впечатлениям бытия...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андреева, Т.** Памяти Бориса Федоровича Егорова (1926–2020) / Т. Андреева. – URL: <https://rusistina.ru/arhiv-publications/pamyati-borisa-fedorovicha-egorova-1926-2020> (05.08.2026).
2. **Анненкова, Е. И.** Второй год без Бориса Федоровича Егорова / Е. И. Анненкова, Д. Бадалян // Тетради по консерватизму. – 2022. – № 1. – URL: https://www.academia.edu/82130899/Второй_год_без_Бориса_Федоровича_Егорова (05.08.2026).
3. **Борис Федорович Егоров:** К 90-летию со дня рождения: Биобиблиографический указатель. Список научных докладов и оппонированных диссертаций / Ред.-сост. А. П. Дмитриев. – Санкт-Петербург: Изд-во «Росток», 2016. – 144 с.
4. **Володина, Н. В.** Б. Ф. Егоров – человек и исследователь / Н. В. Володина // Культура и текст. – 2016. – № 2(25). – С. 219–222.
5. **Егоров, Б. Ф.** Вечер с А. А. Ахматовой у Д. Е. Максимова (1964) // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. – Вып. 8. – Симферополь, 2010. – С. 3–6.
6. **Егоров, Б. Ф.** Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана / Егоров Б. Ф. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – 384 с. (Новое лит. обозрение. Науч. прил.; вып. XIX).
7. **Егоров, Б. Ф.** Пушкин и Чичибабин как эротические поэты / Б. Ф. Егоров // Культура и текст. – 2016. – № 2 (25). – С. 102–108. – URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (05.08.2026).
8. **Елина, Е. Г.** Мемуаристика Б. Ф. Егорова: жанровые принципы / Е. Г. Елина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 116–120.
9. **Из истории русской культуры.** Т. V (XIX в.). – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 848 с. (серия «Язык. Семиотика. Культура»).
10. **Козлик, И. В.** Борис Фёдорович Егоров (1926–2020): портрет учёного в эпистолярной проекции / И. В. Козлик // Новая русистика. – 2022, vol. 15, iss. 1, – pp. 7–38.

²⁷ Егоров Б. Ф. *Творческая жизнь Бориса Чичибабина*. СПб.: Росток, 2016. 192 с.

11. **Кривонос, В. Ш.** Б. Ф. Егоров – мемуарист / В. Ш. Кривонос // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 2023. – № 2. – С. 141–151.

12. **Ляпина Л. Е.** Борис Федорович Егоров / Л. Е. Ляпина // Культура и текст. – 2016. – № 2(25). – С. 215–219.

13. **Орлова, Е. И.** Неожиданный Б. Ф. Егоров / Е. И. Орлова // Русская литература. – 2019. – № 1. – С. 244–245. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950004563-3-1> (25.07.2026). Рец. на: Егоров Б. Ф. Творческая жизнь Бориса Чичибабина. СПб.: ООО «Издательство „Росток“», 2016. 192 с.

14. **Острова любви БорФеда:** Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков; под общ. ред. Е. П. Щегловой. – Санкт-Петербург: Росток, 2016. – 1056 с.

15. **Петкевич, Т. В.** Жизнь – сапожок непарный. Воспоминания / Т. В. Петкевич. – Санкт-Петербург: АСТРА-ЛЮКС. АТОКСО. 1993. – 503 с.

Материалы поступили в редакцию 30.07.2026 г.